

Байков Александр Алексеевич

ПРОЯВЛЕНИЕ ИЛЛЮЗИИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЙ ЧЕРТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В АПОФАТИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ЧЕЛОВЕКА

В данной статье рассматривается иллюзия как основная способность человека, описываемого апофатически: как существа неопределимого, несводимого, невыразимого, неповторимого, непредопределимого. Постулируемая экзистенциализмом первичность существования объясняется субъективностью и искусственностью сущности. Осуществляется диалектический синтез катафатических и апофатических дефиниций человека в определении его через иллюзию, позволяющем сохранить содержание отрицательных характеристик без отказа от дальнейшего исследования человеческого бытия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. I. С. 30-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 13

Философские науки

В данной статье рассматривается иллюзия как основная способность человека, описываемого апофатически: как существа неопределимого, несводимого, невыразимого, неповторимого, непредопределимого. Постулируемая экзистенциализмом первичность существования объясняется субъективностью и искусственностью сущности. Осуществляется диалектический синтез катафатических и апофатических дефиниций человека в определении его через иллюзию, позволяющем сохранить содержание отрицательных характеристик без отказа от дальнейшего исследования человеческого бытия.

Ключевые слова и фразы: иллюзия; реальность; субъективность; апофатические определения человека; катафатические определения; несводимость; неопределимость; заброшенность; природа человека.

Байков Александр Алексеевич

Московский гуманитарный университет

gajasure@yandex.ru

**ПРОЯВЛЕНИЕ ИЛЛЮЗИИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЙ ЧЕРТЫ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В АПОФАТИЧЕСКИХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ ЧЕЛОВЕКА ©**

Учение о человеке с самого возникновения его в философии ставило перед собой задачу указать, что такое человек, дав ему определение. Во многом это было следствием метода, введенного еще Сократом, по которому для познания предмета, необходимо не описывать его или перечислять его виды, а сформулировать определение, отражающее его идеальную сущность. Складывались определения человека, которые, как правило, сводили его сущность к одной способности или особенности. Человек определялся как существо «полисное» (Аристотель), «разумное» (согласно названию биологического вида), «играющее» (Й. Хейзинга), «производящее символы» (Э. Кассирер), «выполняющее обещания» (Ф. Ницше). Это можно охарактеризовать как традицию утвердительных определений человека, схожую с катафатическим методом богословия. Но, как и катафатическое познание Бога, утвердительное понимание человека подвергалось критике за попытку объяснить необъяснимое. Возникает апофатическая традиция познания человека, определяющая его через следующие характеристики: несводимость, непредопределенность, незаменимость, неповторимость, невыразимость, неадаптированность. С ними также связаны и некоторые характеристики, имеющие утвердительное содержание: бездомность, заброшенность (которая будет переосмыслена как трансцендентность), создание человеком самого себя. Апофатическая позиция противоречит утвердительным определениям, так как вовсе запрещает определять, указывая, что любое определение, кроме отрицательного, будет недостаточно и охватит только один аспект человеческого. Однако признание иллюзии в качестве основополагающей черты человеческого бытия, означающее попытку определения человека через иллюзию, преодолевает это противоречие. Оно является катафатическим определением, обоснованным апофатическими, выводимым из них. Этому обоснованию посвящена данная статья.

Основными представителями апофатической традиции определения человека можно считать экзистенциалистов. Согласно Ж.-П. Сартру, основной принцип экзистенциализма заключается в утверждении, что «существование предшествует сущности» [9, с. 321], из чего проистекают указанные апофатические характеристики человека, и о несуществовании «человеческой природы». Но эти утверждения основаны на более ранних идеях, с которых и следует начать рассмотрение. Восходить к бессущности и неопределимости следует, начиная от наиболее связанной с материальным миром характеристики: неадаптированности человека к окружающей среде.

1. Неадаптированность. Неадаптированность человека к окружающему миру давно указывалась мыслителями. Так, еще Григорий Нисский в труде «Об устройении человека» писал, что начальником над всем естеством Бог сделал самое слабое и беспомощное создание, которое существует только за счет подчинения себе природы [4, с. 93]. Но человек – самое неприспособленное животное, нуждающееся в превосходящем материю свойстве, которым не обладают другие. Обыкновенно способностью, позволяющей компенсировать недостаток физических качеств инструментами, изобретениями, социальными отношениями и др., объявляются «труд», «разум», «творчество». В таких случаях упускается фактор «подручности» [10, с. 69] используемых и преобразуемых вещей и включенности их в человеческое бытие, и подмеченное мыслителями заимствование человеком приемов природы (начиная с «подражания» у Демокрита). Приспособление носит имитативный характер, используемые предметы и отношения вливаются в человеческое естество как его часть, имитируя и этим восполняя отсутствие нужного свойства. Для того чтобы человек воспользовался острым камнем как оружием в борьбе с хищником, он должен исказить свой взгляд на себя, этот камень и свое с ним единство. По природе человек – слабое существо, которое не может дать отпор хищному зверю. Камень – пассивный кусок вещества. Знание гипотетического первочеловека, составляющее в его понимании объективную реальность, указывает ему на очевидную невозможность системы «человек – камень» победить хищника. И, с точки зрения рассудка, такая возможность никак не выводится. Если бы человек был бы обыкновенным природным существом, это было бы верно. Однако в системе «человек – камень» есть сила, и для открытия этой силы человеку не хватает того субъективного факта, который дал бы мотивацию к открытию ее: это не разум, так как разум связан с объективной реальностью и ее поддержанием и в данном случае подсказывал бы, что шанс на спасение – бегство. Требуемый факт сознания заключается в искаженном мышлении о действительности,

то есть в проявлении иллюзии. Человек должен извратить реальность, превратив систему «человек – камень» в систему «хищник – коготь». Как бы мы ни определили этого исходного человека, человек-с-каменем уже не считает себя им: теперь он считает себя хищником, способным конкурировать с другим хищником. Разумеется, система «человек – камень» не иллюзорна и, принимая роль, обладает объективной силой. Однако само принятие этой роли – следствие влияния адаптивной функции иллюзии. До нее победа человека-с-каменем над хищником невозможна по законам реальности, теперь она возможна, так как человек, приняв иллюзию, претерпевает изменение. Также происходит при создании новых состояний и отношений. Чтобы создать вещь или отношение, или чтобы воспользоваться им, человек нуждается в иллюзорном представлении об этой вещи, иллюзорной роли для себя и иллюзорном отношении, их связывающем.

2. Бездомность. Здесь мы рассматриваем бездомность как общую характеристику человека, а не как указываемый М. Бубером отдельный этап существования человечества. Будучи специализированными в отношении конкретной деятельности и среды, все природные существа и явления имеют конкретное место в мироздании: как конкретную среду, так и конкретную роль в поддержании мира. Человек же не имеет ни места, ни роли, ни ниши. Этот вывод более сложен, чем идея неадаптированности, но, скорее, отсутствие места в мире служит причиной неадаптированности, а не наоборот. Сейчас человек имеет особое влияние на природу. Но если бы человек исчез на раннем этапе своего развития, природа бы не изменилась: ни бытие, ни небытие человека миру не нужны. Человек вносит в мир дисбаланс, в то время как остальные существа гармонично встроены в него. Получается, что материя, «объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания» [7, с. 276], отвергает человека. Человек – существо, обладающее материей и духом, но природа не приемлет духовное. Неизвестно, есть ли дух у природы: в природе, возможно, присутствует информация, а это уже нематериальная составляющая. Но есть ли дух в природе или нет, его существование было бы излишним, так как внечеловеческий мир может быть объяснен законами материи. Таким образом, все, что не обладает материей, ложно для мира. Материя – объективная реальность, и все, что не материя, нереально. Для мира в человеке существенна и истинна его телесная природа, которая, в отличие от духовной, не имеет места в мире не потому, что чужда ему, а потому, что, как было указано выше, не приспособлена к нему. Относительно материи всякая мысль – иллюзия, то чего нет, искажение действительности. Человек, безусловно, способен к поиску своего места в мире: он даже нередко находит его. Человек может считать себя микрокосмом, высшим и завершающим творением или же животным, таким же, как остальные. Но мир «не считает» его таковым. Человек — не микрокосм, он играет роль микрокосма, обманывает себя. «Если вселенная внезапно лишается как иллюзий, так и познаний, человек становится в ней посторонним» [6, с. 26]. Разница «эпох обустроенности» и «эпох бездомности» [3, с. 165] заключается в том, создает ли человек иллюзию обустроенности или сталкивается со своей бездомностью. Множественность противоречащих друг другу способов вписаться в мир уже говорит о том, что они иллюзорны. Не только человеческое бытие иллюзорно для материи, но и человек, пытаясь найти свое место в мире, создает себе иллюзорные роли.

3. Заброшенность. Данная характеристика человека призвана расширить и усилить значение его бездомности. Говоря о заброшенности, мы выходим за пределы ее понимания Хайдеггером, подчеркивая не только то, что человек заброшен в мир, но и то, откуда он в мир заброшен. Заброшенность в данном понимании означает принадлежность человека иному миру при отвергнутости от этого иного мира или вовсе при отсутствии его. Таким образом, можно условно говорить о трансцендентности человека. Представители атеистического экзистенциализма выводили заброшенность из отрицания Бога [9, с. 327]: человечество одиноко и самостоятельно перед лицом мира, в котором ему нет места. Для верующих заброшенность связана именно с существованием Бога и является давно известной истиной, в религиозном подходе заброшенность-из-иного рассматривалась в большей степени, чем заброшенность-в-мир. Принцип изгнания идет из иудаизма, не только в связи с историческими неудачами еврейского народа, но из идеи грехопадения: человек отвергнут от божественного и низвергнут в тленность. Таким образом, человек не только не имеет места в мире, но и по естеству не должен этим местом обладать. Здесь необходимы два отдельных рассмотрения, зависящих от того, действительно ли человек принадлежит некоему высшему миру или нет. Рассмотрим тот случай, в котором этого высшего мира нет: человек все равно противопоставлен окружающему миру, так как считает себя не принадлежащим ему. Чтобы преодолеть осознание своей смертности (З. Бауман), в поисках смысла, который скрыл бы абсурдность существования (А. Камю), чтобы сдерживать порывы своей естественной натуры (З. Фрейд), человек решает, что он выше природного мира, ближе к богам, чем к животным, и в этом он противопоставляет себя миру. Если это не так, если человек – всего лишь высокоразвитый примат, он живет в постоянной иллюзии своей трансцендентности. Но, как и многие другие иллюзии человека, подобная посылка влечет не только субъективные, но и объективные следствия: будучи уверенным в своей иномирности, человек, согласно признаку практикоориентированности иллюзии, действует в соответствии с ней, ведя себя не как животное, а как пришелец из другого мира, которым он вследствие этого и становится. Нельзя считать, что отнесение человека к иному, высшему миру – удел верующих и мистиков. Самый убежденный атеист противопоставляет человека природе как существо разумное, говорящее, познающее само себя, всегда возвышающееся над мирозданием. Если же принадлежность к божественному миру имела место, то нынешний человек уже не принадлежит к нему: он лишился ее и был отрезан от иного мира, и его иллюзия тогда заключается в вере в то, что он не изменился, столкнувшись с брэнной материей, подпитываемой нежеланием смириться со своим падением.

На данном этапе мы переходим от катафатических характеристик, связанных с апофатическими, к самим апофатическим, первой из которых мы назовем несводимость.

4. Несводимость. Из вышеуказанного следует, что человек чужд миру, не необходим для его существования, не имеет места в нем, неприспособлен; но создает иллюзии, позволяющие приспособиться и хотя бы верить

в то, что к этому или другому миру относится. Человек ищет себя и в этих попытках находит себя в конкретных своих проявлениях. Потребность человека в самопознании возникает именно из-за отсутствия очевидности, которая присутствует в сущности природных существ. Эта потребность ведет к попыткам описания человеком себя: на уровне обыденных представлений – через занятие, положение и социальную роль, а на уровне философского осмысления – через конкретную свою функцию или феномен. В первом случае речь идет о представлении конкретного лица о себе как о враче, крестьянине, отце и др. без дальнейших обобщений: человек, не склонный к абстрактному мышлению, будет довольствоваться этим. Мыслитель будет искать место человека в мире, определяя его как существо «политическое», «мыслящее», «обещающее», «играющее». Однако человек – существо многогранное, несводимое к отдельным своим проявлениям. И здесь иллюзорность человеческого восприятия и мышления проявляется двояко. С одной стороны, определенной долей иллюзорности обладают многие из указанных определений: любые предикаты к человеку, такие как «врач» или «отец», обладают меньшей укорененностью в бытии, чем «человек», стоящий за ними, они – части эмпирического «Я», которое субъективно и изменчиво и не может служить прочным основанием бытия. Что касается способностей и свойств человека, таких как мышление, творчество и игра, их связь с иллюзией – предмет отдельного рассмотрения. Если же принцип несводимости принять за посылку, то это еще больше принижает реальность отдельных проявлений человеческого бытия, так как нивелирует их действительность: если они не определяют сущность, они теряют значимость. И вновь встречается порождающее иллюзии столкновение действительного и желаемого: человек стремится найти себя и ради этого ограничивает свою безграничность, сводя свою сущность к отдельным феноменам своей жизни.

С несводимостью тесно связана **непредопределенность** человека. Конкретный человек, разумеется, включен в причинно-следственные связи мира. Можно утверждать свободу человека, как это делал И. Кант, указывая на двойственность природы, но сложно отрицать детерминированность собственной психикой. Именно в контексте указанной иллюзорности обнаруживается решение этого парадокса. Человек в своем надмировом существовании не может выступать ни причиной, ни следствием; он оторван от бытия. Необходимо быть определенным, чтобы быть предопределенным. Человек оказывается предопределенным в той мере, в которой сводит себя к проявлениям: предопределен он в иллюзорных ролях, определениях, которые он для себя придумывает. Человек сам не предопределен, предопределены иллюзорные образы: человек находится в причинно-следственных взаимодействиях только тогда, когда принимает иллюзорную роль.

5. Неопределимость. Возникает вопрос: возможно ли определить человека в условиях несводимости его к одному из своих проявлений, равно как к совокупности всех своих проявлений, что противоречило бы принципу эмерджентности: человек больше суммы своих составляющих. Отсутствие места в мире, неверность любого конкретизирующего определения указывает, что человек неопределим. Необходимо понять, в чем смысл неопределимости, для чего надо выяснить, в чем сама суть определения. Согласно современному пониманию, определение – «логическая процедура придания строго фиксированного смысла терминам языка» [2, с. 154]; такое понимание подчеркивает условность определения, и если исходить из него, человека все же можно определить, однако это не приблизит к его пониманию. Связь с действительностью, несводимую к конвенции, показывают представления об определении древнегреческих философов. Для Сократа и Платона определение – путь к миру идей, лежащих в основе вещей, оно дается не чувственно-воспринимаемому, а самой его идее [1, с. 79]. Аристотель указывает, что определение обнаруживает сущность бытия вещи [Там же, с. 154]. Таким образом, определение – поиск сущности, природы, идеи, попытка дойти до вещи-в-себе, а невозможность его дать указывает на отсутствие сущности.

Именно отсутствие сущности стоит за утверждением, что «существование предшествует сущности». Человек просто дан существующим, а не создан с конкретными свойствами и целями. Формулировка «природа человека» подразумевает наличие места в мире, которого, как было выяснено, у человека нет. Обычно форма, сущность вещи определяется функционально, вещь тогда соответствует своей сущности, когда полноценно выполняет свои функции, но у существования человека также нет и очевидной цели.

Можно сказать, что в сравнении с другими существами, предметами и явлениями человек не реален, так как находится в подвешенном, не укорененном в бытии состоянии. Конкретный человек действителен, хотя бы в своей телесности, в этом смысле он объективен, он часть материи. Но если бы природа человека существовала, она была бы отлична от его животной телесности. Таким образом, мы можем сказать о человеке «существует», но не можем сказать, «что» существует. Как указывал Сартр, человек есть ничто.

6. Создание себя. Отрицательные описания неопределенности и отсутствия сущности приводят к утверждению человека как создающего самого себя. В эпоху Возрождения возникла мысль о сотворчестве Бога и человека в отношении человеческой сущности; Бог начал его сотворение, но закончить его должен сам человек, выбрав, кем ему быть: «Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь» [5, с. 249]. Или можно обратиться к современной мысли: «человек есть усилие быть человеком» [8, с. 119] — это указывает на самосозидание человека. Человек реагирует на свою бессущность попытками сформировать себе сущность, придать себе форму. Но здесь и возникает вопрос столкновения субъективной и объективной реальностей. В определении самого себя человек сталкивается с объективностью, которая противостоит этому: объективно человек – это человек, даже если данное понятие не отсылает ни к какой сущности; он не зверь, не ангел, не демон, не Бог. С точки зрения действительности, человек не может себя создать, так как он уже существует в определенном виде. Совершенствуясь, человек физически остается неизменным. И, тем не менее, мы видим создание человеком самого себя через определение себя, через наделение себя сущностью, определенностью, ролью и местом в мире – всем, чего человек лишен. С одной стороны, имеет место метод сведения к одной черте, истинность которого была опровергнута принципом несводимости; с другой – человек приписывает

себе совершенно необычные сущности: центр мироздания, микрокосм, образ и подобие Бога. Человек может работать над достижением новой сущности или над ее подтверждением, он может действовать так, как будто это его истинная сущность, но объективная реальность по-прежнему не признает его измененным. Мнение человека о себе – прежде всего, иллюзорный образ себя. Человек считает себя не тем, кто он есть, а тем, кем он хочет быть, – в этом и заключается иллюзорность. Сила иллюзорных образов спасает обывателя от экзистенциального кризиса: многие «знают», кто они, и не задумаются над вышеуказанными особенностями бытия. Массовый поиск своей сущности, выходящий за рамки интеллектуальной среды, появляется только в моменты смены культурных парадигм, когда старое представление о человеке разрушается, а новое еще не возникает.

И, тем не менее, особенность человеческой иллюзии такова, что она не может оставаться только в субъективном представлении, не влияя на объективный мир. Признак практикоориентированности иллюзии и ее регулятивная функция указывают на то, что человек, носитель иллюзии, всей своей деятельностью утверждает свою иллюзию. Иногда он просто действует так, как будто иллюзия реальна, иногда, частично осознавая ее нереальность, пытается всеми силами воплотить иллюзию в жизнь. Таким образом, иллюзия осуществляет выход за рамки субъективности носителя. Объявляя себя «политическим животным», человек не только живет этой иллюзией, но и устанавливает такие отношения, по которым и сторонний наблюдатель подтвердил бы эту гипотезу. Так иллюзии человека становятся реальностью.

7. Незаменимость и неповторимость. Данные апофатические определения касаются не человека вообще, а конкретных личностей, которые уникальны. Хотя было бы крайностью утверждать, что личность человека – иллюзия, стоит задуматься над следующим: иллюзия всегда субъективна и служит превосходным основанием любой субъективности. И если личность и имеет некоторые объективные основания, то, по крайней мере, иллюзорное представление о себе, которому подвержено не только человечество, не только культура, но и отдельные люди, усиливает субъективный фактор, делая человека действительно уникальным, незаменимым и неповторимым.

Итак, рассмотрев отрицательные характеристики человеческого бытия, мы пришли к выводу об их верности: человек – существо, не имеющее природы, неопределенное, не имеющее места в мире. Катафатические представления о человеке, обнаруживающие его сущность, являются иллюзиями, что ставит под сомнение сам катафатический метод. Однако это указывает на необычайно важную роль иллюзии в жизни человека. Иллюзия каждый раз не просто компенсирует эти экзистенциальные характеристики, не только успокаивает человека, но и действительно создает его сущность.

Человек на протяжении своего исторического пути с помощью способности к иллюзии, сменил множество образов: он был тем, кем хотел, но при гибели и рождении культур, образ сменялся другим. Единственное, что остается неизменным, кроме апофатических характеристик – его способность к иллюзии. Без нее существо, не обладающее сущностью, не смогло бы выжить.

Возникает закономерный вопрос: может ли быть так, что у человека все-таки есть сущность. Возможно, человек – существо, создающее иллюзорные представления о себе. В таком случае мы от апофатических характеристик приходим к единственной катафатической. Данное развитие мыслей идет по пути «отрицания отрицания»: в качестве исходного тезиса имеется множество катафатических определений, антитезис представлен апофатической традицией, синтез же заключается в определении человека через способность к иллюзии. Противоречие апофатических и катафатических определений снимается в данном понимании. Идеи человека как существа, создающего иллюзии, и как неопределенного и несводимого существа, взаимообусловлены: без иллюзии идеальная неопределенность человека непримирима с опытом, в котором он определяет свою сущность; так иллюзия выводится из апофатических характеристик. Но и неопределенность выводится из иллюзии, так как иллюзорные сущности не поддаются определению так же, как реальные.

Мы рассмотрели апофатические характеристики человека и связанные с ними катафатические. В каждой из них обнаружились выходы к пониманию иллюзорности представлений человека о самом себе, но также полезности этой иллюзии для человека. Если у человека нет сущности, иллюзия всегда может ее создать. Но признание иллюзии за всеми характеристиками человека приводит к мысли о ней самой как об основополагающей черте человеческого бытия.

Список литературы

1. **Аристотель.** Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
2. **Бочаров В. А.** Определение // Новая философская энциклопедия / Институт философии РАН. М.: Мысль, 2000. Т. 3. С. 154-156.
3. **Бубер М.** Проблема человека // Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 157-233.
4. **Григорий Нисский.** Об устройении человека // Творения Святого Григория Нисского. М.: Типография В. Готы, 1861. Ч. 1. С. 76-223.
5. **Джованни Пико делла Мирандола.** Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: антология. М.: Искусство, 1981. Т. 1. 672 с.
6. **Камю А.** Миф о сизифе: эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 24-100.
7. **Ленин В. И.** Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 18. 526 с.
8. **Мамардашвили М. К.** Психологическая топология пути. М.: Издательство русского христианского гуманитарного института, 1997. 572 с.
9. **Сартр Ж.-П.** Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319-344.
10. **Хайдеггер М.** Бытие и Время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

ILLUSION MANIFESTATION AS FUNDAMENTAL FEATURE OF HUMAN EXISTENCE IN APOPHATIC DEFINITIONS OF MAN

Baikov Aleksandr Alekseevich
Moscow Classical University
gajasura@yandex.ru

The author considers illusion as the main ability of man described apophatically: as an indefinable, irredundant, inexpressible, unique, and non-predetermined being, explains the primacy of existence postulated by existentialism through the subjectivity and artificiality of essence, and conducts the dialectical synthesis of the cataphatic and apophatic definitions of man in his determination through illusion that allows preserving the content of negative characteristics without refusal from the further study of human existence.

Key words and phrases: illusion; reality; subjectivity; apophatic definitions of man; cataphatic definitions; irreducibility; indefinability; abandonment; nature of man.

УДК 342.922:346.2(477)

Юридические науки

Статья посвящена раскрытию содержания понятия «административно-правовое регулирование предпринимательства», которое, по мнению автора, занимает ведущее место среди правовых инструментов государственного регулирования в данной сфере. Автором обращено внимание на соотношение понятий «управление» и «государственное управление», «государственное регулирование» и «административно-правовое регулирование». В статье анализируются некоторые взгляды ученых-юристов, управленцев и экономистов относительно обозначенной проблематики, а также выделяются особенности данного регулирования в Украине.

Ключевые слова и фразы: предпринимательство; хозяйственная деятельность; государственное управление; государственное регулирование; административно-правовое регулирование.

Баклан Олег Владимирович, к.ю.н., доцент

Украинский государственный университет финансов и международной торговли
olegvb8888@ukr.net

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)[©]

Указанная проблематика в разные времена занимала ведущее место в трудах известных на постсоветском пространстве и во всем мире ученых: административистов (Е. В. Додин, А. А. Погодин, Е. П. Рябенко, Н. А. Саниахметова и др.), управленцев (Г. В. Атаманчук, Ф. У. Тейлор, А. Файоль, Р. М. Фалмер и др.) и экономистов (Л. Бальцерович, В. Я. Железнов, А. Смит, М. Цитович и др.).

Как метко отмечает ученый-экономист Л. А. Швайка, используются различные термины: «государственное вмешательство», «государственное управление», «государственная экономическая политика», «государственная регуляторная политика», «государственное регулирование экономики». Все они взаимосвязаны и характеризуют отношения государства с обществом [15, с. 37].

Вышеупомянутое утверждение подтверждается известным российским теоретиком права С. С. Алексеевым, который подчеркивает, что право в самом широком смысле этого понятия является регулятором, стабилизатором в обществе – определяет того, «кто» и «что» имеет право или не имеет права делать [3, с. 11]. Причем далее С. С. Алексеев продолжает: «Публичное право – это отрасль позитивного права, основанная на принципах централизации, когда права и обязанности строятся на принципах власти и подчинения» [Там же, с. 14].

Эти утверждения являются полностью верными, ведь, осуществляя управленческую деятельность в сферах экономики, отраслях хозяйственной деятельности и предпринимательства, государство регулирует общественные отношения в этих секторах общественной жизни. Также, осуществляя регуляторную политику определенной сферы общественной жизни, государство направляет, упорядочивает, оптимизирует конкретные общественные отношения, пытаясь привести их в желаемое правовое положение. Различие между государственным управлением и осуществлением государственной регуляторной политики заключается в особенностях применения общих и специальных методов и форм воздействия, а также в специфике сферы применения.

В контексте разрабатываемой проблематики лаконичным и глубоким является утверждение известного исследователя проблем государственного управления Г. В. Атаманчука, который, раскрывая содержание